

ХаритоновА Алена
Ильин Алексей

КАЖДЫЙ ЗА СЕБЯ

ЧАСТЬ II

ПОБЕДИТЕЛЕЙ НЕ СУДЯТ

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4
Х20

Харитонов А., Ильин А.

Х20 Каждый за себя. Часть 2. Победителей не судят / А. Харитонов, А. Ильин, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 302 с. — (Каждый за себя).

ISBN 978-5-521-92664-0

За прошедшие четыре дня Айя Геллан вдоволь полюбовалась на изнанку мира... Вспомнила, кем является на самом деле, а еще поняла, что раз начав играть не по правилам, останавливаться уже нельзя.

Ведь в игре на выживание нет таймаутов. И потому так важно сделать правильный выбор. Выбор, определяющий судьбу. Выбор победителя.

Вот только победить здесь хочет каждый... Победителей-то, как известно, не судят. Зато с проигравших спрашивают за всё.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-92664-0

© Алена Харитонов,
Алексей Ильин, текст, 2021
© Нина Неангел, обложка, 2021
© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Ничего не говори, не подходи на выстрел...

Группа «Пикник»

Эта ночь была самой холодной и самой тёмной из всех ночей в жизни Айи Геллан. Во всяком случае, тех, что она помнила.

Керро спокойно спал, плотно завесив их закуток под лестницей пологом из пленки и накрыв спальник своей курткой, а его подопечная всё сидела и таращилась в глухую темноту.

Противоречия раздирали разум на части. Казалось, будто в одном теле сошлись несколько совершенно разных личностей.

Одна молила судьбу вернуть всё, как было: школу-интернат, уроки, понятную жизнь, предсказуемое будущее. Отмотать назад! И, если можно, ещё раз стереть память. Все воспоминания последних четырех дней.

Другая тихо скулила, понимая, что ничего уже не изменить. Она и не хотела менять. Пусть решат за нее. И плевать на последствия, она примет любые.

Третья просто впала в ступор.

Четвёртая бесилась. Какого чёрта всё это обрушилось на неё — хорошую девочку, никогда никому не делавшую ничего плохого? Разве мало вокруг более крепких, стойких или хотя бы более гнусных?

Пятая не верила и всё повторяла: «Нет-нет, это все происходит не со мной. Не может со мной такого происходить!»

Шестая мрачно вещала: дальше будет хуже, гораздо хуже ...

Седьмая требовала что-нибудь предпринять. Что угодно! Срочно, сейчас же, сию минуту! Быстрее! Надо что-то сделать, иначе...

И так по кругу, раз за разом. То хотелось вскочить и бежать, то, напротив, накрывало безысходным оцепенением и, казалось, не было сил даже пошевелить пальцем.

Айя прошла все стадии отчаяния, на которые у нормального человека обычно уходит много дней. Испуг переплавлялся в панику, паника — в неверие, неверие — в жалость, жалость — в гнев, гнев — в протест, протест — в равнодушие, равнодушие — в смирение...

И все это время какая-то отдельная совершенно хладнокровная часть сознания молча следила за остальными. А когда настроения стали сменяться с совсем уж неприличной частотой, спокойно и властно вернула Айю в реальность.

Голова болела. И уже было не понять — то ли от удара об стену, то ли просто болела, как все последние дни. Тело казалось деревянным — от холода и усталости. Ломило правую руку, которую Керро вывернул, чтобы заставить бросить нож, ломило спину, ушибленную при падении, дергало скулу, отмеченную синяком.

И вдруг девушку прострелила от макушки до пяток внезапная мысль: у неё ведь есть пистолет! И Алисин нож! А если бы она помнила об этом утром, когда потекла крышей? Если бы открыла пальбу? Если бы начала размахивать не тычковым ножом, а...

Айю заколотило от запоздалого ужаса.

Очки ей захотелось посмотреть, идиотке. Любопытно, блин, стало...

Ледяными пальцами она прикоснулась к синяку на щеке. Боль соединяла с реальностью, напоминала о том, чем бывает чревата глупость. Конечно, Айя и вправду плохо знала жизнь и нравы чёрного сектора, только вот плохо знать — это одно, а вести себя дура душой — совсем другое. Именно об этом ей сегодня говорил Керро. Жаль, она не поняла.

Да, пора бы мисс Геллан повзрослеть, если она собирается остаться здесь.

А она собирается? Айя замерла, раздумывая. Что ждёт её в родной корпорации? Конечно, лаборатория и опыты. А потом утилизация по девяносто девятому меморандуму...

Значит, как бы ни хотелось вернуться к прежней жизни — это вряд ли удастся. То есть, остается только один вариант — получить обещанный Керро «адекватный процент» и свободу. А потом как-то затеряться, исчезнуть, залечь на дно. Чтобы не вспоминали, не искали... И прожить остаток дней здесь. Или, может, в каком-то из белых секторов? Потому что в чёрном она долго не протянет даже с деньгами.

Блин. А сколько денег у него просить? Цифирь затребовал меньше двадцати процентов. Но он помогает. Тогда как Айя только путается под ногами и осложняет жизнь. С другой стороны, хакер всего лишь на подхвате, а она — непосредственно товар. Угу, круть. Но продает товар и торгуется за него Керро. Без него охотников на этот

товар будет до чёрта и ни одному не придет в голову больной идеи что-то там Айке предлагать. Ха-ха.

А ведь, попади она в руки кому-то более циничному, могла бы уйти частями. К примеру, что стоит отвести её к уличному доку и распродать фрагментами? Или наоборот. Предложить целую Айю «Мариянетти». Тем более, когда они узнают, что девчонкой заинтересовались в «Виндзоре», наверняка постараются перебить цену...

Безумные мысли разной степени бредовости теснились в голове, грозя разорвать череп. Айя потеряла глаза, разгоняя сон.

Холод медленно забирался под одежду...

Трое, наблюдающие эти метания, должно быть, усмеваются. Интересно, захочется ли им продолжать игру в Айкину удачу? Одно дело — абсурдное безлимитное везение одной отдельно взятой идиотки-корпоратки. И совсем другое — безлимитное везение лабораторной крысы, в которой начали просыпаться инстинкты улицы. Это уже не так весело. Таким везение всегда строго дозируют. Керро снова прав — лафа вот-вот может закончиться.

Что он там говорил? Намерения не значат ничего, значит результат? Его намерения могли быть какими угодно, но результат говорил сам за себя. Только Айя, искорёженная страхом и паникой, умудрилась не понять очевидного. А теперь вспомнила, как льнула к Керро Алиса. Она доверяла ему! Абсолютно. Да и вообще все кролики считали его своим. Он умудрился заслужить безусловное доверие бригады психопатов, которое ни до, ни после него заслужить не мог никто. Для этого мало уметь втираться. Для этого надо быть, по меньшей мере, очень честным. Теперь понятно, почему Алиса так удивилась словам Айи о непонятности Керро — на ее взгляд, сложно было найти человека проще.

Пока Айка терзалась размышлениями, ноябрьская ночь становилась всё морознее. Руки и лицо девушки уже онемели от холода. Хотелось спать. Согреться, наконец. Но спальник один на двоих. Как туда лечь? Керро, конечно, уже не совсем чужой, но и не настолько близкий, чтобы спать под одним одеялом. Разумеется, усталость и озноб помогут перебороть неловкость, но пока еще можно терпеть.

Айя села на обломок бетона и подула на ладони. Чёрт, холодно-то как. Она усмехнулась сама над собой — да, холодно. Не желает ли мисс Геллан вернуться в удобства корпоративного сектора? К те-

плу, душу и чистоте? И в этот миг, наконец, совершенно определенно и остро осознала — нет. Не желает. Никогда больше. Ни за что.

* * *

Утром Рекс еле-еле разлепил глаза. Голова не болела, выпил он накануне совсем мало — две-три стопки, не больше, но спать хотелось...

— Давай, давай, поднимайся, не на курорте, — тряс его за плечо Ирвин.

Молодой сел, потер ладонями лицо, с хрустом зевнул.

— Ага, — сказал он и начал обуваться, радуясь про себя, что накануне лег прямо в шмотках, и не нужно тратить время хотя бы на одевание. Так, броник надеть, куртку накинуть — и готов.

Разбитый и мятый со сна, Рекс вышел в холл следом за Ирвином.

— Лови! — Кемп, вольготно расположившийся на диване, бросил Додсону маленькую плоскую фляжку, которую Рекс еле поймал. — Глоток, не больше. Зато проснешься мигом. Моя особая мешанинка. Только, если стимуляторами закидываться будешь, Винса предупреди. Он состав знает, скажет, что можно, что нет.

От глотка мягкого и, к удивлению, неалкогольного питья в глазах внезапно потемнело, и Рекс осел на диван рядом с заржавшим Кемпом.

— Ща все наладится! — пообещал тот, хлопнув по плечу.

Не обманул. Накатившая невесть откуда дурнота отступила. Сознание прояснилось, в тело вернулась бодрость.

Рекс отдал флягу хозяину.

— Люблю с Винсом работать, — Кемп спрятал фляжку во внутренний карман куртки, — всегда комфортно, и оттянуться возможность есть, к тому же на цель выводит чётко.

— Ага, а самое главное — только на базе узнаешь, что добрая половина местных тебя на лоскуты порвать хотела, — хмыкнул Ирвин, а потом посерьёзней и повернулся к Рексу: — Ты, молодой, гляди, не привыкай. Обычно за периметром не так. Зря тебя на первый выход к нам сунули, сбили правильный настрой.

Внизу неслышно открылась и закрылась дверь, а через полминуты на лестнице появилась Кара. Рекс привык видеть её собранной, насмешливой, слегка суховатой, поэтому сейчас удивился. Рейдерша была похожа на сытую хищницу — довольная, расслабленная, с едва уловимой ленцией в каждом движении.

— Будешь? — Кемп кивнул Каре и сделал жест, будто отвинчивает крышку с фляги.

— Поверх всего? — Кара потянулась — Не. Увольте.

— Смотри, свалишься.

— Свалюсь — донесете, — женщина плюхнулась в пустующее кресло, откинувшись на спинку и успокоила: — Я легкая.

В этот раз дверь внизу будто бы даже не шелохнулась, поэтому собранный свежий Винсент возник на лестнице неожиданно.

— Все в сборе? Зашибись. Спускайтесь. Только у дверей тормознитесь, — с этими словами он кивнул Каре и сделал шаг к её креслу, освобождая дорогу мужчинам.

Рекс потянулся следом за Ирвином и Кемпом, однако уже на середине лестницы услышал доносящийся сверху негромкий разговор и, скорее рефлекторно, нежели обдуманно, задержался:

— Сделала? — спросил вполголоса Винс.

— Да. Закладки будут к обеду. Вот координаты... — Кара вдруг осеклась, и сразу после этого Винсент громко спросил:

— Молодой, чего завис? Кто любит греть уши, тот частенько остается без них. Всё необходимое я до тебя сам доведу.

Пристыженный Рекс быстро отправился дальше, нарочито громко топая. Внизу у выхода его уже ждали напарники.

— Слушай сюда, молодой, — Ирвин произнёс это обманчиво дружелюбно и благожелательно. — Винс тебе скажет, как отобразить в отчете тот факт, что ночью Кары с нами не было...

— И нужно ли вообще ее упоминать, — скучающим голосом закончил Кемп, глядя в сторону.

— Да, — согласился Ирвин. — Так вот. Настоятельно рекомендую прислушаться и сделать, как он скажет. Без дури и хрени.

Рекс оторопело кивнул.

* * *

Сладкий сон Айи нарушило чужое неосторожное движение. Ей было тепло. Очень тепло. А теперь тепло ускользало. Кожу, горячую ото сна, лизнул сквозняк. Холод тут же забрался под одежду, заставляя сжаться.

Девушка завозилась, натягивая на себя гладкую синтетическую ткань... Матерное шипение, раздавшееся где-то совсем рядом, заставляло разлепить глаза. Керро натянул задубевшую от холода куртку и теперь обувался. Глядя на него, Айке совсем расхотелось

выбираться из теплого кокона. Поэтому она ловко выпростала руку, сдернула со спальника свою курточку и втянула ее внутрь.

Ледяная! Аж передернуло всю.

— Доброе утро, — хрипло сказала девушка.

— Угу, — ответил Керро.

После этого Айя завозилась, одеваясь и попутно пытаясь вспомнить, как ложилась спать. Ответ был один: никак. Никак не ложилась. Сидела на обломках лестницы, спрятав руки под мышки. Так и срубилась.

Получается, Керро проснулся, увидел ее, притулившуюся в углу, поднял, разул и запихал в спальник? Смутно-смутно что-то такое припоминалось — заостеневшее от холода неуклюжее тело и тепло синтетической ткани, которое вдруг обняло со всех сторон. И Керро тоже теплый. Вообще очень повезло с теснотой — ему некуда было отстраниться. Поэтому Айя уткнулась ледяным носом в широкую спину и заснула.

Куртка, хотя и хрустела с мороза, но в спальнике чуть-чуть согрелась, а вот всовывать ноги в холодные ботинки оказалось тем еще удовольствием... Девушка торопливо затягивала шнуровку, надеясь сберечь хоть частичку тепла. Из рта вырывался сизый пар, руки костенели.

— Б-б-блин... — сказала она, складывая спальник. — Вечером б-б-было теплее.

Керро молча снимал пленку. И сразу, как только он ее сложил, Айя поняла, что настоящий холод еще не начинался. Когда в закуток под лестницей ворвался ветер с улицы, показалось, будто даже волосы под шапкой встали дыбом и мгновенно покрылись инеем. Захотелось опять вытащить из контейнера спальник, натянуть его на себя, прорезав дырки для ног, и так идти хоть на край света. А лучше не идти. Обратно расстелиться и лечь спать. Это же так здорово...

— Идём.

— Ага, — девушка вдела непослушные руки в лямки рюкзака. Спине сделалось чуточку теплее.

На улице задувало, и лежал снег. Снег, мать его! Грязь застыла, стала скользкой и коварной. Обломки бетона и кирпичей прочно вмерзли во вчерашнюю слякоть.

Айя потихоньку согревалась. Точнее, от быстрой ходьбы согревалось то, что было под одеждой, а лицо, наоборот, застыло от ледяного ветра.

Девушка шмыгнула носом:

— Куда мы идем? — спросила она.

— В тепло, — ответил Керро.

В тепло! В тёплое тепло!

— Далеко? — уточнила спутница.

— Не очень.

Тёплое тепло не очень далеко!

— А умыться там есть где?

— Да.

— Круть! — и она припустила еще резвее.

* * *

Темный тесный закоулок привел Керро и его спутницу к чёрному входу в «Девять жизней». Джувз как раз только-только поднялся и сейчас разжигал квадратную железную печь. Та стояла у него прямо за стойкой, на ней он готовил, от неё же и грелся в холода.

Бар был еще пуст. Ни случайно забредших полудурков, ни постоянных клиентов. Только сквозняки гуляли из угла в угол.

— О, Керро, — махнул рукой хозяин. — Вот ведь завернуло, да? Плевок на лету замерзает.

И он кивнул гостю на маленький столик, притулившийся за стойкой рядом с печью.

— Не был ты там, где действительно замерзает, — пробурчал Керро.

Джувз в ответ на это промолчал.

Айка заторопилась умываться.

— Там это... — сказал ей вслед Джувз, — вода не льётся. Шланг замёрз. Бери из канистры.

— Ага, спасибо.

Уборная оказалась так себе. Даже не так себе, а отстойной — вонючий закуток. Однако всё равно теплее, чем на улице. Вот только вода в канистре была совершенно ледяная, да ещё и полотенца не нашлось. Зато здесь висело мутное пластиковое зеркало, и лампочка под потолком хоть как-то, но светила. Айя мрачно разглядывала багровый синяк на скуле. Скоро коричневеть начнёт. Потом жел-

теть... Ладно, фиг с ним. Рано или поздно пройдёт. А её тут всё равно никто не знает.

Она вернулась в зал, вытирая мокрое лицо рукавом курточки, сбросила с плеч рюкзак, повесила его на спинку стула и села. От печи тянуло ощутимым, но пока ещё скудным теплом.

— Держи, — Керро протянул девушке сложенный в несколько раз лист бумаги. — Вчера надо было отдать, но руки не дошли.

Айя с удивлением взяла лист, развернула его и взгляделась в строки, выведенные летящим старомодным почерком.

— От Куин, что ли? — спросил Джувз, случайно скользнувший взглядом по посланию. — Не парься, — подмигнул он девушке, когда та настороженно прижала письмо к груди. — Угадал. Просто больше никто в секторе не нацарапает столько от руки.

Письмо. Настоящее бумажное письмо для девочки из корпоративного сектора, написанное странной женщиной, выдающей себя за персонажа старого сериала...

Когда Айя снова развернула лист бумаги, руки у нее подрагивали от волнения.

«Здравствуй Айя, девочка моя!

Как ты помнишь, я — врач. К тому же довольно старомодный. Поэтому ты, наверное, первый за много-много лет человек в чёрном секторе, который получает бумажное письмо, да к тому же написанное от руки. И уж, совершенно точно, ты первый в чёрном секторе человек, которому уличный доктор совершенно безвозмездно излагает его диагноз. Как видишь, чудеса случаются. Впрочем, Алиса сразу сказала, что ты сказочно удачлива, а она замечательно разбирается в людях.

Итак, зачем я тебе пишу? По вполне объяснимой врачебной привычке — не проходить равнодушно мимо узнаваемых симптомов. Если же учесть, что симптомы твои довольно тревожные, а сама ты являешься, безусловно, уникальным человеком, молчать я не имею права. К тому же ты с Керро. А это обстоятельство обязывает меня быть к тебе особенно внимательной. Ну и, в конце концов, то, что с тобой происходит, мне прекрасно знакомо, поскольку некогда я занималась именно изучением психотропных препаратов, исследованием их влияния на работу мозга и изменением личности при помощи фармацевтики и нейропрограммирования.